

П. Поберезкина

Киев (Украина)

**«Откуда музыка у нас?»
(Анна Ахматова и Давид Самойлов)**

Тема «Ахматова и Самойлов» ждет комплексного исследования, и в год 130-летия одного из участников диалога и в преддверии 100-летия другого уместно обратиться к занятию, сопровождающему литературные юбилеи: научной инвентаризации источников.

Биографически их общение документировано дневниковыми записями обоих собеседников¹ и их знакомых (в первую очередь – Л. К. Чуковской²). Указанные сведения отразились в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой»,³ однако не все факты были охвачены. Например, встреча 14 марта 1960 года, зафиксированная Г. В. Глекиным: «До меня у Ан<ны> Андр<еевны> был поэт Самойлов и читал свои стихи. Ан<на> Андр<еевна> сказала: “Стихи хорошие, но только современные стихи – все как-то превращаются в какие-то рассказы, а не стихи. Как с этим бороться... Рассказы с завязкой, фабулой и заключением!”».⁴ Точность свидетельства Глекина подтверждается словами Самойлова об Ахматовой: «Анна Андреевна корила меня за пристрастие к сюжету. Я не вполне понимал – в чем дело. Теперь понимаю. Для нее сюжет – лишнее расстояние от дыхания до стиха» (дневниковая запись от 18 марта 1977 года);⁵ «Вообще же несколько раз корила за приверженность к сюжету. Ей сюжет в стихах не был нужен. Да и правда, сюжет в стихах – не самая высокая форма построения. Я много об этом думал. Но, видимо, у меня не столько приверженность к сюжету, сколько стремление к драматургии» (мемуарный очерк «Анна Андреевна»).⁶

Даты встреч также закреплены в надписях на книгах. Инскрипт Ахматовой на подаренном сборнике 1961 года⁷ известен нам в передаче Самойлова: «Д. Самойлову в память московских встреч и бесед. Анна Ахматова. 17 июля. Ордынка».⁸ Сложнее обстоят дела со сборником Самойлова,⁹ подаренным им Ахматовой 29 ноября 1963 года, как свидетельствует дневниковая запись: «Анна Андре-

евна у Западовых. Прихварывает. Отвез ей книгу. Разговаривали часа три».¹⁰ К сожалению, мы не располагаем сведениями ни о наличии инскрипта, ни о местонахождении самого сборника.

За полгода до вручения книги, 4 июня 1963 года, Самойлов подарил Ахматовой стихотворение «Учусь у вас достоинству и трудной...»: «Был у Анны Андреевны на Ордынке. Как всегда приняла меня ласково и обрадовалась стихам, посвященным ей».¹¹ Ранее, в 1961 году, он преподнес ей стихотворение «Я вышел ночью на Ордынку...». 20 октября 1963 года Ахматова прочла Чуковской посвященные ей стихи Самойлова,¹² а в конце января 1964 года включила его в перечень авторов поэтических мадригалов для планировавшегося «Устного альманаха».¹³ Подаренные Ахматовой автографы сохранились в ее личном архивном фонде:

Я вышел ночью на Ордынку,
Играла скрипка под сурдинку.
Откуда скрипка в этот час –
Далеко за полночь, далеко
От Запада и от Востока –
Откуда музыка у нас?

*Д. Самойлов.*¹⁴

Анне Андреевне Ахматовой

Учусь у вас достоинству и трудной
Науке быть всегда самим собой.
Ни гул молвы, ни славы голос трубный
Не правят вашей медленной судьбой.

И где-то там, в подкожных ваших соках
Течет печаль и мудрость разлита.
И трудно вам дышать азотом кратких сроков
И пылью типографского шрифта.

Но все равно, какое это благо –
Когда последний сломан карандаш,
Когда молчит перо, безмолвствует бумага
И слышен только вещий шепот ваш...

Д. Самойлов.

*Май 1963.*¹⁵

Рукописные тексты имеют небольшие разночтения (помимо пунктуационных) с опубликованными. В первом стихотворении – «от Востока», как в сборнике «Дни»,¹⁶ вместо «до востока», как в «Избранных произведениях».¹⁷ Во втором, в последней строфе, – «все равно» вместо «все-таки» и «слышен только» вместо «только слышен». Между тем, в комментированном издании стихов Самойлова ни данные списки, ни ранний авторский вариант «от востока» не учтены.¹⁸

Поэтические мадригалы нуждаются также в библиографической инвентаризации. В разном составе они воспроизводились в подборках стихов, посвященных Ахматовой, из которых в библиографии Самойлова учтена одна,¹⁹ причем в общем, не расписанном по авторам, приложении.²⁰ Не отражены московские прижизненные публикации стихотворения «Я вышел ночью на Ордынку...».²¹ Также в указателе отсутствуют более поздние, посмертные, перепечатки.²²

Стихи Самойлова, посвященные Ахматовой, предсказуемо стали ядром ахматовского цитатного слоя в его творчестве. Отвечая в феврале 1986 года на ахматовскую анкету Е. М. Ольшанской, он выделил следующие: «“Смерть поэта”, “Я вышел ночью на Ордынку”, еще 2–3».²³ Отметим, что даже в названных стихотворениях, начинающихся с личного местоимения «я», оно превращается в «мы»: «Я вышел ночью на Ордынку. <...> Откуда музыка у нас?»; «Я не знал в этот вечер в деревне <...> Те, которыми нас одаряли» (см. также: «Простое величье я видел однажды / В Ахматовой Анне Андревне. <...> В пристанище дружеском, подле нас»). Собеседники Ахматовой неоднократно фиксировали, что она считала Самойлова одним из наиболее ярких представителей поэтического поколения 1960-х годов: «Потом о стихах Тарковского, Корнилова, Самойлова, Липкина:

– Вот это и будет впоследствии именоваться “русская поэзия шестидесятых годов”» (запись Л. К. Чуковской от 28 сентября 1962 года);²⁴ «Спрашиваю, кто из современных поэтов в стране ей нравится.

– Вот московский поэт Давид Самойлов. Жаль, что он передержался в переводчиках» (запись Н. Л. Готхарта от 16 августа 1963 года);²⁵ «Говоря о современной нам поэзии, Анна Андреевна – с небольшими вариантами – нередко повторяла один и тот же набор

имен тех, кого считала самыми одаренными: Петровых, Тарковский, Самойлов, Корнилов»;²⁶ «Лучшие московские поэты, по мнению Анны Ахматовой, это Семен Липкин, известный нам только как переводчик, Арсений Андреевич <так!> Тарковский (отец молодого кинорежиссера), Самойлов и кто-то еще четвертый. Владимир Корнилов, автор поэмы “шоферы” <так!> (“Тарусские страницы”)) (московские литературные новости в записи Р. Г. Назирова от 29 сентября 1964 года);²⁷ «Уже после ее смерти мне передавали, что когда она лежала в больнице в Москве, она говорила моему брату В. И. Ф. и его другу Дмитрию Васильевичу Сеземану, которые пришли навещать ее, что “сейчас у нас два поэта – Гитович и Самойлов”» (воспоминания С. С. Гитович, кузины В. И. Финкельштейна).²⁸

Эта же мысль была высказана Ахматовой в опубликованной в 1965 году беседе с Е. И. Осетровым (также не учтенной в библиографии Самойлова): «Анна Андреевна, в частности, считает, что если мы обратимся к творчеству поэтов военного поколения, поэтов сложной творческой судьбы, то увидим среди них крупных художников. <...> Из тех, чьи стихи заметно выделяются в последние годы, хочется назвать Коржавина, Аллу Ахундову и Самойлова...».²⁹

Самойлов записал в дневнике 1 октября 1962 года: «Ахматова сказала Юле: “Поэзия 60-х годов – это Тарковский и Самойлов”. Слова эти подтвердили Лидия Корнеевна и Петровых».³⁰ 17 декабря того же года: «Попросила меня читать стихи. Сказала задумчиво фразу, которую я слышал от других: “Вот это и есть поэзия 60-х годов двадцатого века. Но пока все это еще закрыто на переучет...”».³¹

В поэтическом диалоге с Ахматовой Самойлов говорит от лица поколения³² – например, в стихотворении «Вот и все. Смежили очи гении...» (1967) и «Стансах» (1977–1978). В «Стансах» («Пойдем за старухой суровой, / Открывшей торжественный путь»), по нашему мнению, слышен отзвук посвященного Ахматовой стихотворения «друга и соперника» Самойлова Б. А. Слуцкого:

Я с той старухой хладновежлив был:
знал недостатки, уважал достоинства,
особенно, спокойное достоинство,
морозный, ледовитый пыл.
<...>

Я путь не принимал, но это был
путь. При почти всеобщем бездорожье
он был оплачен многого дороже.
И я ценил холодный грустный пыл.

Центральная для «Стансов» тема подражания и оригинальности,³³ взаимодействия с предшествующей поэтической традицией звучала у Самойлова и ранее: «Возвратимся вновь к извечной теме / И узнаешь, что тебе дано» («Современность, прущая на рожон...», 1964). Ср.:

Начнем с подражания. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от Бога дано.

Позднее, в стихотворении «Стояла осень. Воздух чист...» (1981), она решена с позиции не хрестоматийного – и, безусловно, подразумеваемого – текста Е. А. Баратынского «Не подражай: своеобразен гений...», но ахматовского отклика на него 1956 года «Не повторяй – душа твоя богата...» («Но, может быть, поэзия сама – / Одна великолепная цитата»): «Я не боялся подражания. <...> Мой друг, не бойся повторять. / Поэзия – дитя повтора». От ахматовской «Музы» 1960 года («Жестче, чем лихорадка, оттреплет, / И опять весь год ни гу-гу»), возможно, идет черед просторечных слов («Зато не с налету, не сдуру, / Не с маху и не на фу-фу») при раскрытии «классической» темы судьбы поэта в «Стансах».

В стихотворении «Вот и все. Смежили очи гении...» и «Стансах» хрестоматийными реминисценциями из пушкинского «Евгения Онегина» («говорим и вяло и темно»)³⁴ и лермонтовской «Смерти Поэта» («Судьба коренного поэта, / Приявшего славный венец. / Терновый, а может, лавровый») введена тема гибели поэта: по словам А. С. Немзера, «явных лермонтовских реминисценций у Самойлова немного, но заглавная формула его реквиема Пушкину и мотив посмертного освобожденного бытия постоянно пульсируют в сомайловских рефлексиях о бессмертии поэта и поэзии».³⁵ В более раннем стихотворении, озаглавленном «Смерть поэта» и датированном 27 марта 1966 года, Самойлов напрямую подключается к этому квази-

жанру русской литературы. Отмечая обращение к поэтической традиции от Г. Р. Державина до Ахматовой,³⁶ исследователи игнорируют тот факт, что и Ахматова апеллировала к ней: «Снигирь» был одним из наиболее значимых для Ахматовой державинских произведений;³⁷ Дарьял, прочно связанный с М. Ю. Лермонтовым, упомянут в стихотворении 1936 года «Борис Пастернак», а отклик на его кончину «Умолк вчера неповторимый голос...» (1960) опубликован под названием «Смерть поэта». Текст Самойлова содержит множество ахматовских цитат и реминисценций: строки «Стать туманом, птицей, звездой, / Иль в степи полосатой верстою / Суждено не любому из нас» отсылают не только к отмеченному исследователями образу «полосатой версты», или «Верстового Столпа», в «Поэме без Героя» (метафоре «Поэта вообще, Поэта с большой буквы»),³⁸ но и к стихотворению «Но я предупреждаю вас...» (1940). «Десять раз заплатила сполна» тоже перекликается с «Поэмой без Героя»: «За тебя я заплатила / Чистоганом, / Ровно десять лет ходила / Под наганом». Наконец, «все ступени беззвучного ада» недвусмысленно апеллируют к Данте и многократным ахматовским обращениям к «Божественной комедии».

По предположению Р. Д. Тименчика, в самойловской «Смерти поэта» мог отразиться и «Снегирь» (1946) Александра Коваленкова – с тем же эпитафием из Державина и сходным финалом: «И прищится ширь, / Где сидит на придорожной вехе / Зоревой суворовский снегирь». Насколько можно судить по дневниковой записи 23 мая 1957 года,³⁹ Коваленков не был близок Самойлову, однако «Снегирь» стал самым известным его произведением. Он перепечатан в московском сборнике 1961 года «Мое лучшее стихотворение», где помещено «Его слово» (1950) Самойлова,⁴⁰ и даже на обложке 2-го издания книги Коваленкова «Ясный день» (1958) изображен снегирь.

В творческом диалоге Самойлова и Ахматовой все ее реплики, кроме инскрипта, – устные: некоторые из них были записаны самим Самойловым. Реплики Самойлова – не только устные, но и письменные: поэтические и прозаические. Продолжая диалог после ухода старшей собеседницы, он переплавлял прижизненные разговоры в свои стихи и достраивал ее партию цитатами из ее стихов (подобный способ построения кажется в чем-то сходным с «блоковским» текстом Ахматовой, подробно проанализированным В. Н. Топоровым⁴¹):

Меня Анна Андревна Ахматова
За пристрастье к сюжетам корила.
Избегать бы сюжета проклятого
И писать – как она говорила.

А я целую кучу сюжетов
Наваял. И пристрастен к сюжетам.
О, какое быть счастье поэтом!
Никогда не пробиться в поэты.

1972

Ах, наверное, Анна Андревна,
Вы вовсе не правы.
Не из сора рождаются стихи,
А из горькой отравы,
А из горькой и жгучей,
Которая корчит и травит.
И погубит.

И только травинку
Для строчки оставит.

1985

В первом стихотворении проблема сюжета в лирическом произведении, обсуждавшаяся в личных разговорах, перерастает в «вечную» тему поэта. Вслед за Ахматовой, не признававшей слова «поэтесса», Самойлов и в стихах, и в прозе называет ее «поэтом» – «дивное дело поэта», «кончина поэта», «поэта смежаются веки» в «Смерти поэта»; «коренной поэт» в «Стансах»; «последний великий поэт» в очерке «Анна Андреевна»: «Ее никто не называл поэтессой. Она – Поэт».⁴² Это противопоставление лежит в основе стихотворения «Надоели поэтессы...» (1982), которое А. С. Немзер сближает с дневниковой записью от 14 декабря 1977 года: «Имена целого поколения русских поэтесс – Белла, Новелла, Юнна, – дают представление о среде, из которой они вышли, и о том, почему они более или менее – ломачи».⁴³ И Ахматова, и Самойлов публиковались под псевдонимом; у обоих он появился по внешним причинам, и оба использовали родовые антропонимы. В такой трактовке литературных имен Самойлов был солидарен с Ахматовой, которая свела счеты с квазиоднофамилицей в «Прологе», выведя ее под именем Бэллы Гуталиновой (Гусаковой).⁴⁴

Стихотворение «Ах, наверное, Анна Андревна...» Самойлов включил в лирический цикл «Беатриче». Введение имени Ахматовой в текст позволяет в строках «Мир полон призраков, как Лысая гора. <...> Она томит, как ярость, злость и месть» («Она») предположить отсылку к «Из логова змиева» (1911) Н. С. Гумилева:⁴⁵ «Снеси-ка истому ты / В Днепровские омуты, / На грешную Лысую гору». Упоминание Ахматовой в дантовском контексте, возможно, было подсказано не только ее «Эпиграммой» («Могла ли Биче словно Дант творить...», 1957), но и ее образом в поэзии современников, в частности О. Э. Мандельштама – «Кто скажет, что гитане гибкой / Все муки ада суждены?» («Черты лица искажены...», 1913) – и Н. А. Клюева: «Ахматова – жасминный куст, / Обожженный асфальтом серым, / Тропу утратила ль к пещерам, / Где Данте шел и воздух густ, / И нимфа лен прядет хрустальный?» («Клеветникам искусства», 1932). В первом стихе, построенном как анаграмма («наверное» – «Андревна»), «Ах» означает «Ахматова», тоже с опорой на мадригальную традицию: «Ах, матовый ангел на льду голубом! / Ахматовой Анне пишу я в альбом!» В. В. Гиппиуса и «И мы шарахаемся, и глухое: ох! – / Стотысячное – тебе присягает, – Анна / Ахматова! – Это имя – огромный вздох, / И в глубь он падает, которая безымянна» («О муза плача, прекраснейшая из муз!...», 1916) М. И. Цветаевой. Мотив рождения стихов «не из сора» повторяется в цикле: «Но слово – нет! – не сорная трава» («В меня ты бросишь грешные слова...»); ср. образ «слова, смешанного с сором» в стихотворении 1975 года «Мой милый чтец!.. Ну что за слово!..», где строка «Но тут смолкает вещий голос» перекликалась с ахматовским «Тут мой голос смолкает вещий» («Петербург в 1913 году», 1961).⁴⁶ Нельзя исключить, что, цитируя «Мне ни к чему одические рати...» (1940), Самойлов знал авторский вариант: «И стих уже звучит, задорен, нежен, / На радость вам и на мученье мне». Обрыв жизни графически передан обрывом строки «И погубит»,⁴⁷ как ранее в стихотворении «Примеряться к вечным временам...» (1981): «Легче жить. Труднее умирать / Почему-то». Но так же и в поэзии Ахматовой «оборванный стих часто несет тему удушья», а половинная строка «Ну что ж! попробую» («Памяти В. С. Срезневской», 1964) «иконически, диаграмматически воплощает мысль стихотворения “Души отъяли половину”»⁴⁸ (напомним, что эту усеченную строку Самойлов взял эпиграфом к

третьей части поэмы «Юлий Кломпус», 1979).⁴⁹ Финал стихотворения из цикла «Беатриче» созвучен ахматовскому мотиву жизни после конца – например, в «Мартовской элегии» (1960): «И казалось, что после конца / Никогда ничего не бывает... / Кто же бродит опять у крыльца / И по имени нас окликает?»

В рамках триады «Самойлов–Ахматова–Данте» можно интерпретировать парадоксальное определение поэзии, данное в 1981 году:

Поэзия должна быть странной,
Шальной, бессмысленной, туманной
И вместе ясной, как стекло,
И всем понятной, как тепло.

Мотив странных стихов развивался в творчестве Самойлова с конца 1950-х годов: «Это странное стихотворенье / Посвящается нам с тобою» («Белые стихи (Рембо в Париже)», между 1957 и 1959); «Жил в Ленинграде странный малый <...> Читая странные баллады, / Мы не угадывали в нем / Провидца будущей блокады, / Что приближалась день за днем» («Памяти А. Р.», 1961); «Вдруг странный стих во мне родится...» (1975); «И зачем же тогда в этом городе мы, / Сочинители странных поэм?» («Я люблю ощущение ушедших годов...», 1976);⁵⁰ «Доверься велению сердца, / Внезапной и странной строке» («Назначенье», 1984–1985). «Странным» предстает и само стихотворчество: «Да, я холодею и надо неметь. / Но, Боже, ведь быть не могу бессловесен. / Ведь ты мне вручил колокольную медь, / И пенье, и странную надобность песен» («Хотел бы я жить, как люблю и умею...», 1970); «Престранная наша профессия – / Стихи сочинять на ходу <...> Престранная наша профессия – / Гуляючи мыслить стихи...» («Престранная наша профессия...», 1980). В главе о рифмах А. С. Пушкина Самойлов акцентировал «странность рифмы» и образ «прислужницы странной».⁵¹ Языковой парой странных стихов становится страдание: «Какую страждущую строчку / Он дописать уже не мог?» («Памяти А. Р.»); «Суровое счастье страданий / Вдали от дотошной толпы» («Назначенье»); см. также стихотворение «Что за странная забота...» (1981): «Что за странность все же это / Состраданье!» Понимание поэзии как «странной <...> и вместе ясной» близко ахматовскому:

От странной лирики, где каждый шаг – секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По-видимому, мне спасенья нет.

1944

(Спустя 15 лет в «Читателе»: «Чтоб быть современнику ясным, / Весь настежь распахнут поэт»). Как указывалось,⁵² этот образ восходит к «Божественной комедии» Данте – «*versi strani*» (*Inferno IX*, v. 63) – и сохранен в переводе М. Л. Лозинского: «О вы, разумные, взгляните сами, / И всякий наставленья да поймет, / Сокрытое под странными стихами!»)

Е. Э. Фетисова отмечает, что «уже в стихотворении “Дневник” (1979) Д. Самойлова Ад и Рай персонажно маркированы: человеческая жизнь предстает в образе дневника, а лирический герой – странствующим Данте, путешествующим по глубинам мироздания: “Листаю жизнь свою, / Где говорю шутейно / И с залетейской тенью, / И с ангелом в раю”». ⁵³ «Залетейская тень» – цитата из «Надписи на книге “Тростник”» (1940) Ахматовой,⁵⁴ а рефрен «Листаю жизнь свою» восходит, по нашему мнению, к пушкинскому «Воспоминанию»: «И с отвращением читая жизнь мою...». Стихотворение Самойлова противоположно пушкинскому по тональности («И в ус себе не дую»; «Счастливый по природе / При всяческой погоде»; «Где говорю шутейно»), однако в финале собеседниками лирического героя оказываются «залетейская тень» и «ангел в раю», подобно пушкинскому «Две тени милые, – два данные судьбой / Мне ангела во дни былые». «Надпись на книге “Тростник”», ориентированная жанром и фразеологией на русскую поэзию первой половины XIX века,⁵⁵ содержит пушкинские и дантовские подтексты.⁵⁶ Самойловский «Дневник», возможно, тоже апеллирует одновременно к пушкинским и дантовским мотивам в сочетании с ахматовской образностью.

И для Ахматовой, и для Самойлова характерно превращение поэтического диалога в полилог: «Чудится мне на воздушных путях / Двух голосов переключка. / Двух? А еще...» (Ахматова, «Нас четверо», 1961). Нередко третьим голосом звучал Пушкин, занимавший особое место в творческом мире обоих собеседников и бывший

темой их разговоров.⁵⁷ В стихотворении «Теперь уже знаю...» (1970) вторая строка «Стихи потекут» является цитатой из хрестоматийной «Осени» («Минута – и стихи свободно потекут»),⁵⁸ а третья «И целую стаю» – паронимической аллюзией на «Белую стаю»: «И стихов моих белая стая» («Я не знаю, ты жив или умер...», 1915). От русской лирики XIX и XX веков поэтический язык ведет к еще более глубоким церковнославянским пластам – «Моей нарекут. / Сего не преложишь, / Как сказано встарь» – и стилистическому контрасту в финале: «Пиши, пока можешь, / Несчастливая тварь!» Тварь противопоставлена творцу, и один из ее постоянных эпитетов – «бессловесная».

Однако представляется важным отделить влияния и сознательные реминисценции от возможных совпадений и общепозитических формул (два примера подобного сходства зафиксированы в записях Чуковской: «О, встреча, что разлуки тяжелее!...» («О, горе мне! Они тебя сожгли...») Ахматовой и «Возвращенье трудней, чем разлуки» («Рубежи», 1954–1959) Самойлова, а также «Царскосельская ода» и «Чайная»).⁵⁹ Нам трудно согласиться с А. Н. Трепачко, что заглавие поэмы «Старый Дон-Жуан» – «прямая цитата»⁶⁰ из ахматовского стихотворения «Гости» (1943), а внутреннюю рифму у Самойлова следует сопоставлять именно с поэзией Ахматовой.⁶¹ В связи с историей рифмы подробнее остановимся на стихотворении «Пестель, поэт и Анна» (1965), которое Ахматова слышала от автора (запись в дневнике Самойлова 10 июля 1965 года: «Читал ей Пестеля. – В этом много сказано. Впрочем, это вам дано»).⁶² В. В. Мусатов полагал, что в данном произведении «“предметы разговора” срифмованы очень беспорядочно, как бы случайно: “Ликург–Петербург”, “Данте–Ипсиланти”. Эта случайность, беспорядочность, беглость противопоставлена выделенности “любви”». ⁶³ Между тем, обе названные рифмы построены по одному принципу: всемирная история и культура и реальность пушкинской эпохи. Разнородные в языковом и культурном отношении члены рифмопары объединены образом Пушкина. При этом рифма «Данте–Ипсиланти», по-видимому, уникальна не только в русской, но и в мировой поэзии, а рифмопара «Ликург–Петербург» (во всех падежах) является редкой и ведет свою историю, возможно, со стихотворения П. А. Вяземского «Я Петербурга не люблю...», сохранившегося в бумагах Пушкина. На наш взгляд, отмечая независимость появления рифмы у Самойлова и Вяземского,

А. С. Немзер чрезмерно абсолютизирует ахматовское присутствие в «Пестеле, поэте и Анне». ⁶⁴ Ликург и Солон упоминаются не исключительно в «Поэме без Героя» («Ты железные пишешь законы, / Хаммураби, ликурги, солоны / У тебя поучиться должны»), но и в литературе о декабристах – например, «Лепарском» М. О. Цетлина (Амари) из цикла «В Сибири»:

Пусть читают их там, в Петербурге,
Бенкендорфы, Солоны, Ликурги,
Все завесят сибирские пурги,
Перед совестью буду я прав»... ⁶⁵

Слушая строки «Говорили о Ликурге, / И о Солоне, и о Петербурге», Ахматова могла вспомнить не только «Поэму», которую знал Самойлов, но и вряд ли ему известный набросок декабря 1959 года «И отнять у них невозможно...»:

...поэта убили
Николай правей, чем Ликург
Через столетие получили
Имя – Пушкинский Петербург

Стихотворение Вяземского было опубликовано уже после смерти Ахматовой, однако ранее упоминалось в сборнике «Рукою Пушкина», ⁶⁶ для которого она перевела английские тексты, так что знакомство Ахматовой с ним кажется вполне возможным.

В посмертном диалоге с Ахматовой о предназначении поэта Самойлов возвращается не только к устным разговорам с ней и ее творчеству, но и к собственным стихам, ей посвященным:

Гул событий и шум
Заглушить могут снова
Шелест медленных дум,
Шепот вещего слова.

Процитированная строфа из стихотворения «Пусть все будет как есть...» (1980) перекликается с мотивами и образами «Учусь у вас достоинству и трудной...»: «гул молвы», «медленная судьба», «вещий шепот».

На вопрос Ольшанской «Оказала ли Ахматова влияние на Ваше творчество?» Самойлов ответил: «Оказывала с 60^х годов». ⁶⁷ Диалог, начатый при жизни старшей собеседницы, длился до самой кончины младшего – в его стихах, прозе и дневниках, где реальные реплики достраивались литературными аллюзиями. Ахматовские цитаты и реминисценции в творчестве Самойлова до сих пор не исследованы комплексно, однако очевидно, что они группируются вокруг темы поэта и поэзии. «Великая Ахматова», «гений» из другого поколения, чье дело «надо продолжать <...>, хотя это почти невозможно», ⁶⁸ воплотила единство и преемственность русской поэзии, начиная от Державина и Пушкина, и шире – мировой (Данте). В данной работе мы лишь обозначили некоторые пути развития творческого диалога, позволяющие, в конечном итоге, реконструировать и принципы построения собственного поэтического «я» Самойлова.

¹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996; *Самойлов Д. С.* Поденные записи. В 2 т. / Подгот. к публ. и сост. Г. Медведевой, А. Давыдова, Е. Наливайко; вступ. ст. Г. Ефремова; коммент. В. Тумаркина при участии М. Ефремовой. М., 2002.

² *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. 2, 3. М., 1997.

³ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2016.

⁴ *Глекин Г. В.* Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. Г. Гончаровой. М., 2015. С. 119.

⁵ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 2. С. 284.

⁶ *Самойлов Д. С.* Памятные записки / Сост. Г. И. Медведева, А. С. Немзер; сопроводит. ст. А. С. Немзера. М., 2014. С. 501.

⁷ *Ахматова А.* Стихотворения (1909–1960) / Послесл. Ал. Суркова. М., 1961.

⁸ *Самойлов Д. С.* Памятные записки. С. 495. Год – 1961 вместо 1962 – уточнил В. А. Черных (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 683). Невозможно предположить, что впоследствии Ахматова повторно надписала Самойлову тот же сборник, поэтому инскрипт, датированный 31 декабря 1963 и проданный на аукционе № 179 «Редкие книги, автографы, фотографии, исторические бумаги, плакаты и открытки» аукционного дома «Литфонд» 25 сентября 2019, лот 313, – вероятно, поддельный. По нашему убеждению, не является подлинным и письмо Ахматовой Самойлову от 17 января 1964, сочиненное по мотивам его дневника (см.: *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 349–350) и проданное тем же аукционным домом на аукционе «Автографы XX века. Аукцион на Красной площади» 4 июня 2019, лот 7. Помимо графических особенностей (например, начертания строчных букв «д», «з», «у»), Самойлов нигде не упомянул о письме, и подобные послания были совершенно не в стиле Ахматовой – как известно, предпочитавшей эпистолярному жанру телефон и телеграф, а в указанный день занятой переездом от А. В. и Г. Х. Запавовых к Н. Л. Манухиной-Шенгели (см.: Записные книжки Анны Ахматовой. С. 424).

⁹ *Самойлов Д. С.* Второй перевал: Стихи. М., 1963. 123 с.

¹⁰ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 343.

¹¹ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 332. Позднее, в феврале 1979, Самойлов писал

об этом стихотворении Чуковской (*Самойлов Д. С., Чуковская Л. К.* Переписка: 1971–1990 / Вступ. ст. А. С. Немзера; коммент. и подгот. текста Г. И. Медведевой-Самойловой, Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной. М., 2004. С. 107).

¹² *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 94.

¹³ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 426.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 615, л. 1. На листе писчей бумаги черными чернилами. Под текстом стихотворения карандашная помета рукой Ахматовой: «1961 / Москва».

¹⁵ Там же, л. 2. На листе писчей бумаги черными чернилами. Под датой помета рукой Ахматовой: «Москва». Благодарим Н. И. Крайневу за возможность ознакомиться с автографами.

¹⁶ *Самойлов Д.* Дни: Стихи. М., 1970. С. 79.

¹⁷ *Самойлов Д.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения / Вступ. ст. И. Шайтанова. М., 1989. С. 150.

¹⁸ См.: *Самойлов Д. С.* Стихотворения / Вступ. ст. А. С. Немзера; сост., подгот. текста В. И. Тумаркина; примеч. А. С. Немзера и В. И. Тумаркина. СПб., 2006. С. 103, 481–482, 585, 665, 738.

¹⁹ *Самойлов Д.* Смерть поэта («Я не знал в этот вечер в деревне...») // Венок Ахматовой: Стихотворения / Сост. и предисл. Е. М. Голубовского, Л. Л. Сауленко. Одесса, 1989. С. 49–51. В предисловии: «Вчитываясь в пронзительные строки Арсения Тарковского, Давида Самойлова, Ярослава Смелякова, каждый из нас, наверное, ощущает непоправимость потери» (*Голубовский Е., Сауленко Л.* Поток стихов // Там же. С. 8).

²⁰ См.: Давид Самуилович Самойлов (1920–1990) / Сост. Т. В. Котова [при участии Н. П. Мирской, В. И. Тумаркина] // Русские писатели. Поэты (советский период). Т. 22. Н. Рыленков – М. Светлов. СПб., 1999. С. 426.

²¹ *Симаков Г.* «У Ардовых, на Ордынке» // Литературная Россия. 1986. № 11. 14 марта. С. 24; *Самойлов Д.* «Я вышел ночью на Ордынку...» // Полиграфия. 1989. № 5. С. 29; *Самойлов Д.* «Я вышел ночью на Ордынку...» // Поэтическое ожерелье: 100-летию со дня рождения А. А. Ахматовой посвящается / Вступ. ст., сост. и примеч. И. Н. и М. Н. Баженовых. (Библиотечка журнала «Полиграфия»). М., 1989. С. 72 (в примечании на с. 89 неверно указано время знакомства двух поэтов: «Самойлов Давид Самуилович (наст. фам. – Кауфман; род. в 1920 г.), поэт, переводчик, литературовед. Познакомился с Анной Ахматовой в начале 60-х годов в Москве»).

²² *Самойлов Д.* Смерть поэта («Я не знал в этот вечер в деревне...») // О, Муза плача...: Стихотворения, посвященные Анне Ахматовой / Сост., подгот. текстов и вступ. ст. И. Н. и М. Н. Баженовых. М., 1991. С. 107–110; *Самойлов Д.* «Простое величие я видел однажды...»; «Вот и все. Смежили очи гении...» // И в скольких жила зеркалах: Стихи, посвященные А. Ахматовой / Сост., подгот. текста, послесл. Г. Н. Смоляковой; предисл. А. В. Стебелева. Винница, 1995. С. 158–159; *Самойлов Д.* Смерть поэта («Я не знал в этот вечер в деревне...»); Стансы («Начнем с подражания. И это...») // *Лосиевский И. Я.* Анна всяя Руси. Жизнеописание Анны Ахматовой. Харьков, 1996. С. 321–323.

²³ Ответ Давида Самойлова на ахматовскую анкету Е. Ольшанской / Публ. и предисл. П. Поберезкиной // Экология родного языка и культуры. Вып. 2 / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М., 2017. С. 255. Искренне благодарим И. З. Белобровцеву за помощь в занятиях данной темой.

²⁴ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 524. См. также запись от 5 января 1964 (Там же. Т. 3. С. 136).

²⁵ *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 279.

²⁶ *Иванов Вяч. Вс.* Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова. М., 1991. С. 495.

²⁷ *Назирова Р. Г.* Из дневника 1963 года // Назировский архив. 2016. № 3 (13). С. 46. Год исправлен нами по упоминаемым событиям.

²⁸ *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Across

Borders: 20th Century Russian Literature and Russian–Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan / Ed. by L. Fleishman, F. Poljakov. (Stanford Slavic Studies. Vol. 48). Berlin–Bern–Bruxelles etc., 2018. P. 43.

²⁹ [Осетров Е.] «Грядущее, созревшее в прошедшем»: (Беседа с Анной Ахматовой) // Вопросы литературы. 1965. № 4. С. 187. См.: *Баевский В. С.* Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986. С. 121.

³⁰ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 303.

³¹ Там же. С. 315.

³² См.: *Белобровцева И.* Вопрос о подражании // Самойловские чтения в Таллинне: Материалы междунар. научно-практического семинара 29–30 мая 2000 года / Сост. И. Белобровцева. Таллинн, 2001. С. 85–86. Тема литературных поколений занимала существенное место и в статье Самойлова: «Ахматова старше моих поэтических ровесников на тридцать лет и на три поэтических поколения»; «Поэтические поколения формируются обычно лет десять. По какой-то опять-таки странности в России этот срок совпадает с хронологическими десятилетиями: поэты девятисотых, десятых, двадцатых годов. Потом поколения распадаются, и растут уже отдельные поэты, сколько кому судьба отпустит жизни и писания стихов» (*Самойлов Д.* *Времена Ахматовой* // *Ахматова А. Я* – голос ваш... / Вступ. ст. Д. Самойлова; сост. и примеч. В. А. Черных. М., 1989. С. 5, 7).

³³ См.: *Белобровцева И.* Вопрос о подражании. С. 80–86.

³⁴ См.: *Немзер А.* Многоликий «старик» // Шиповник: Историко-филологический сб. к 60-летию Романа Давидовича Тименчика / Сост. Ю. Левинг, А. Осповат, Ю. Цивьян. М., 2005. С. 309; *Немзер А.* Поэт Давид Самойлов // Самойлов Д. *Счастье ремесла: Избранные стихотворения* / Сост. В. Тумаркин; вступ. ст. А. Немзера. М., 2010. С. 12.

³⁵ *Немзер А.* Поэт Давид Самойлов. С. 11.

³⁶ См.: *Немзер А.* Лирика Давида Самойлова // Самойлов Д. С. *Стихотворения*. С. 34–35, 39; *Немзер А.* Поэт после поэзии: самоидентификация Давида Самойлова // Блоковский сборник XVII. Русский модернизм и литература XX века / Ред. Л. Пильд. *Humaniora: Litterae Russicae*. Тарту, 2006. С. 150–151. К царскосельской традиции, вероятно, восходят и строки «Ветка вздрагивает, как струна / И настраивается, как лира» в стихотворении 1961 «Этой скромной нешумной весне...» (ср. «Все души милых на высоких звездах...» (1921) Ахматовой: «Здесь столько лир повешено на ветки. / Но и моей как будто место есть»).

³⁷ Подробнее см.: *Тименчик Р.* Ахматова и Державин (заметки к теме) // *Jews and Slavs*. 2004. Vol. 14. *Judaeo-Slavica et Russica: Festschrift Professor Ilya Serman* / Ed. by W. Moskovich et al. С. 309–310.

³⁸ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н. И. Крайнева. СПб., 2009. С. 1124.

³⁹ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 285.

⁴⁰ *Коваленков А.* Снегирь // Мое лучшее стихотворение: Стихи московских поэтов / Под ред. Е. М. Винокурова, Н. М. Грибачева, В. О. Перцова. М., 1961. С. 107–109; *Самойлов Д.* Его слово // Там же. С. 192–193.

⁴¹ См.: *Топоров В. Н.* Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley, 1981. С. 12.

⁴² *Самойлов Д.* *Времена Ахматовой*. С. 9.

⁴³ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 2. С. 290. См.: *Немзер А.* Лирика Давида Самойлова. С. 44–45.

⁴⁴ Ср. запись Л. К. Чуковской от 29 мая 1962 года: «Дело в том, что Ахмадулина эстрадница; все они “умеют выступать”. Это не стихи, а эстрадные номера. Помните, Лидия Корнеевна, люстры падали от грохота аплодисментов в огромном зале, в Ташкенте, когда выступал Гусев? А потом возьмешь в руки – ничтожно» (*Чуковская Л. К.* *Записки об Анне Ахматовой*. Т. 2. С. 498).

⁴⁵ См.: *Фетисова Е. Э.* Неокамеизм как система программных и латентных течений XX века: Монография. М., 2016. С. 110–111.

⁴⁶ Стихотворение Ахматовой опубликовано в том же журнале, что и «Память» Самойлова (Новый мир. 1965. № 1. С. 89, 126). «Московским» ответом на этот текст (и, возможно, на «Предысторию» из «Северных элегий») нам представляется «Двор моего детства» (1966) Самойлова, с перечислением городских реалий ушедшей эпохи и мотивом невозможности возвращения: «Уж лучше не пойдем!..» (ср. «уйдем» в обоих стихотворениях Ахматовой).

⁴⁷ См.: Утгоф Г. Анатомия «Беатриче» // Экология родного языка и культуры. Вып. 2. С. 187–188.

⁴⁸ Тименчик Р. Д. Автометаописание у Ахматовой // Russian Literature. 1974/1975. № 10–11. С. 214–215.

⁴⁹ См.: Гуменная Г. Л. Эпиграфы в поэме Давида Самойлова «Юлий Кломпус» // Экология родного языка и культуры. Вып. 2. С. 170–171. Стихотворение Ахматовой «Почти не может быть, ведь ты была всегда...» также напечатано в упомянутом номере журнала «Новый мир» (С. 88–89).

⁵⁰ Ср. в письме Самойлова Чуковской в апреле 1978 года: «Начал странную поэму: “Черные поэты”» (Самойлов Д. С., Чуковская Л. К. Переписка. С. 70).

⁵¹ Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. Изд. 2-е, доп. М., 1982. С. 121, 122, 137.

⁵² Мейлах М. Б., Топоров В. Н. Ахматова и Данте // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1972. Vol. XV. С. 51.

⁵³ Фетисова Е. Э. Неоакмеизм как система программных и латентных течений XX века. С. 108.

⁵⁴ См.: Баевский В. С. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. С. 118.

⁵⁵ См. подробнее: Поберезкина П. Е. Вокруг Ахматовой. М., 2015. С. 11–13.

⁵⁶ См.: Кихней Л. Г. Под знаком акмеизма: Избранные статьи. М., 2017. С. 443–450.

⁵⁷ «Ахматова и Пушкин – целая огромная тема. Лучше всего сказать, что Ахматова – поэт пушкинской школы. <...> Для Ахматовой Пушкин не схема и не норма, а “равный государь”» (Самойлов Д. С. Памятные записки. С. 501). Л. Ю. Клевцова полагает, что «от А. Ахматовой Давид Самойлов унаследовал увлечение пушкинской темой и воспринимал этот образ, с одной стороны, во всей конкретике, а с другой, – как обобщенный образ поэта, чьи судьба и творчество должны являться примером для любого стихотворца» (Клевцова Л. Ю. Поэтическая эволюция Давида Самойлова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. С. 18).

⁵⁸ См.: Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. С. 120.

⁵⁹ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 415, 478.

⁶⁰ Трещачко А. Н. «Чужая речь» в творчестве Давида Самойлова: Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. С. 90.

⁶¹ Там же. С. 169–173.

⁶² Самойлов Д. С. Поденные записи. Т. 2. С. 14.

⁶³ Мусатов В. В. Стихотворение Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна»: (К проблеме «обычного слова» в современной поэзии) // Анализ отдельного художественного произведения: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: А. И. Хватов и др. Л., 1976. С. 107.

⁶⁴ См.: Немзер А. Пушкин в стихотворении Давида Самойлова «Ночной гость» // Пушкинские чтения в Тарту. 4. Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конференции. Тарту, 2007. С. 175.

⁶⁵ Амати (Цетлин М.). Кровь на снегу (стихи о декабристах). Париж, 1939. С. 52. См.: Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. 6, № 3. С. 294.

⁶⁶ Запись стихотворения кн. П. А. Вяземского // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 512.

⁶⁷ Ответ Давида Самойлова на ахматовскую анкету Е. Ольшанской. С. 255.

⁶⁸ Запись от 17 марта 1977 года (Самойлов Д. С. Поденные записи. Т. 2. С. 284).